

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ | SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Российская идентичность и отношение к политическим лидерам: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма

О.А. Гулевич¹ ✉, А.Н. Гнездилов¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация
✉ ogulevich@hse.ru

Резюме

Контекст и актуальность. На протяжении нескольких десятилетий психологи изучают факторы, влияющие на отношение к политическим лидерам. Исследования показали, что такими факторами могут быть характеристики лидера, последователей и ситуации. Однако можно предположить, что эти переменные взаимодействуют между собой. **Цель:** проанализировать связь между национальной идентичностью и отношением к политическим лидерам с разными стилями взаимодействия с гражданами. **Гипотеза.** Мы предположили, что российские респонденты будут выражать к демократическому лидеру более позитивное отношение, чем к авторитарному. Однако влияние стиля поведения лидера на отношение к нему будет зависеть от национальной идентичности. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие российские респонденты (N = 2008). Они заполняли опросники для измерения двух форм российской идентичности — надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. После этого они читали описание гипотетического политического лидера (президента) и оценивали его эффективность при решении нескольких проблем. Описания различались полом (мужчина vs. женщина) и стилем взаимодействия лидера с гражданами (авторитарный vs. демократический), а также особенностями ситуации (требует «мягких» vs. «жестких» действий). **Результаты.** Результаты показали, что респонденты считали политического лидера с демократическим стилем взаимодействия более эффективным, чем лидера с авторитарным. Эта закономерность проявлялась у россиян с разным уровнем национальной идентичности; в отношении к мужчинам и женщинам, выполняющим обязанности президента; в ситуациях, требующих «жестких» и «мягких» действий. Однако она была сильнее выражена у людей с низким уровнем национального нарциссизма, чем у людей с высоким уровнем. **Выводы.** В целом российские респонденты считают более эффективным политического лидера, который привлекает их к принятию решений. Однако национальный нарциссизм, но не надежная национальная идентичность усиливает веру в политических лидеров, которые дают указания и ожидают их выполнения.

Ключевые слова: политическое лидерство, стиль лидерства, демократический и авторитарный лидер, национальная идентичность, надежная национальная идентификация, национальный нарциссизм

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

© Гулевич О.А., Гнездилов А.Н., 2025

Дополнительные данные. Первичные данные и дополнительные материалы доступны по адресу: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/W8GH4>.

Для цитирования: Гулевич, О.А., Гнездилов, А.Н. (2025). Российская идентичность и отношение к политическим лидерам: роль надежной национальной идентификации и национального нарциссизма. *Экспериментальная психология*, 18(3), 136–149. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180309>

Russian identity and attitudes toward political leaders: The role of secure national identification and national narcissism

O.A. Gulevich¹ ✉, A.N. Gnezdilov¹

¹ National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

✉ ogulevich@hse.ru

Abstract

Context and relevance. For several decades, psychologists have been studying the factors that influence attitudes toward political leaders. Studies have shown that such factors can be characteristics of the leader, followers, and the situation. However, it can be assumed that these variables interact with each other. **Objective.** This study aimed to analyze the relationship between national identity and attitudes toward political leaders with different interaction styles. **Hypothesis.** We assumed that Russian respondents would express a more positive attitude towards a democratic leader than towards an authoritarian one. However, the influence of the leader's behavior style on attitudes towards them would depend on national identity. **Methods and materials.** Russian respondents (N = 2008) took part in the study. They completed questionnaires to measure two forms of Russian identity — secure national identification and national narcissism. They then read a description of a hypothetical political leader and rated their effectiveness at solving several problems. The descriptions differed by gender (male vs. female) and the style of leadership (authoritarian vs. democratic), as well as by the characteristics of the problems (requiring “soft” vs. “hard” actions). **Results.** The results showed that respondents perceived a political leader with a democratic style as more effective than an authoritarian one. This pattern was manifested by Russians with different levels of national identity, in attitudes towards men and women who perform as the president, and in situations requiring “hard” vs. “soft” actions. However, individuals with low levels of national narcissism expressed this pattern more strongly than individuals with high levels. **Conclusions.** Overall, Russian respondents consider a political leader who involves them in decision-making as more effective. However, national narcissism, but not a secure national identification, increases faith in political leaders who give orders and expect them to be followed.

Keywords: political leadership, leadership style, democratic and authoritarian leader, national identity, secure national identification, national narcissism

Funding. HSE University Basic Research Program, 2025.

Supplemental data. Dataset and appendix available from <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/W8GH4>.

For citation: Gulevich, O.A., Gnezdilov, A.N. (2025). Russian identity and attitudes toward political leaders: The role of secure national identification and national narcissism. *Experimental Psychology (Russia)*, 18(3), 136–149. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2025180309>

Введение

Лидерство — это процесс социального влияния, в рамках которого члены социальной группы привлекаются и мобилизуются для достижения общей цели (Chemers, 2001; Haslam, Reicher, Platow, 2015). Этот процесс включает воздействие на представления, эмоции и поведение членов группы (последователей), которое осуществляется разными средствами, от вознаграждения и наказания до призывов к действию и демонстрации примеров. Лидеры появляются и действуют в самых разных сообществах, от рабочих групп до общества в целом.

На протяжении нескольких десятилетий исследователи ищут факторы, влияющие на отношение к лидерам и, как следствие, на поведение членов группы. Исследования показали, что такими факторами могут быть характеристики членов группы, особенности лидера и параметры ситуации. Однако эти переменные могут взаимодействовать друг с другом. Цель данного исследования — проанализировать связь между национальной идентичностью и отношением к политическим лидерам с разными стилями поведения.

Авторитарный vs. демократический стили лидерства. Феномен лидерства обладает несколькими свойствами. Во-первых, это не психологическая особенность человека, а действия, которые он совершает. Во-вторых, лидерство включает не конкретные решения или действия, а общие паттерны поведения, с помощью которых он/она направляет членов группы и вдохновляет их действовать определенным образом. В-третьих, это не индивидуальный, а групповой феномен, который рождается во взаимодействии лидера с последователями (Haslam, Reicher, Platow, 2015).

Таким образом, лидерство — это двухсторонний процесс. С одной стороны, лидер пытается влиять на членов группы; с другой стороны, члены группы могут поддержать или не поддержать лидера (Chemers, 2001). Поэтому процесс привлечения и мобилизации последователей для достижения общей цели можно условно разделить на две стадии. Действия лидера влияют на то, как члены группы относятся к нему. Отношение к лидеру, в свою очередь, воздействует на поведение последователей.

Устойчивые паттерны поведения, которые лидер демонстрирует при взаимодействии с другими членами группы, называют стилями лидерства. Некоторые исследования показали, что отношение к лидеру зависит от того, какой стиль он использует. Например, метаанализ исследований, проведенных в организации, продемонстрировал, что стиль лидерства связан с доверием сотрудников своему руководителю. Это доверие, в свою очередь, связано с качеством работы и гражданским поведением (Legood et al., 2021).

Одна из широко известных классификаций стилей лидерства была предложена Куртом Левиным и его коллегами (Lewin, Lippitt, White, 1939). Авторы провели различие между авторитарным, демократическим и попустительским стилем. Затем исследователи неоднократно обращались к этой классификации, прежде всего к оппозиции «авторитарный-демократический», и описали несколько модификаций авторитарного стиля, которые различались некоторыми деталями (см., например, Pizzolitto, Verna, Venditti, 2023).

Однако, в целом, под авторитарным понимается лидер, который принимает решения исходя из собственных соображений, дает членам группы определенные указания, жестко контролирует их выполнение, а также игнорирует или пресекает публичную критику в свой адрес; под демократическим — лидер, который привлекает других членов группы к принятию решения (совещается с ними и учитывает их мнение), а также создает условия, в которых эти люди могут выразить недовольство или рассказать о проблемах.

Большинство исследований, в которых рассматривалось влияние авторитарного и демократического стиля на отношение к лидеру, были проведены в организационном контексте. На протяжении долгого времени в них участвовали преимущественно сотрудники организаций из англоговорящих и некоторых западноевропейских стран. Однако в последние годы стали появляться работы из азиатских государств (Pizzolitto, Verna, Venditti, 2023).

Согласно этим исследованиям, авторитарный стиль лидерства уменьшает качество работы и «гражданское» поведение сотрудников. Это происходит из-за того, что авторитарные лидеры снижают когнитивную активность работников, ухудшают их эмоциональное состояние и уменьшают доверие. Однако степень и механизмы влияния зависят от характеристик сотрудников и особенностей ситуации (Pizzolitto, Verna, Venditti, 2023). Эти закономерности частично воспроизводятся в политической сфере.

Отношение к авторитарным vs. демократическим политическим лидерам.

Классификация «демократический-авторитарный» используется при описании политических лидеров. Эмпирические исследования показали, что люди выражают более позитивное отношение к лидерам с демократическим, чем с авторитарным стилем поведения: больше верят в их эффективность и больше готовы проголосовать за них на выборах. Свидетельства, говорящие в пользу такого различия, пришли из трех основных источников.

Первый источник — это исследования, в которых респондентам показывали фотографии придуманного «дружелюбного» и/или «доминантного» политика. После этого участников просили оценить, насколько эти люди будут успешно руководить страной, или выбрать политика, который станет лучшим президентом. Выяснилось, что в нейтральных ситуациях американские и датские участники отдавали предпочтение «дружелюбному» политику перед «контролирующим» (Hall et al., 2010; Laustsen, 2021; Petersen, Laustsen, 2020).

Второй источник — это исследования, в которых респонденты читали описания взаимодействия. Например, участники из США получали описания того, как руководитель департамента образования обращается с подчиненными авторитарным или демократическим образом (Caillier, 2020); участники из Испании — описание того, как политик аналогичным образом взаимодействует с коллегами (например, представителями общественных организаций) (Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021).

Оба исследования показали, что в нейтральных или неоднозначных ситуациях политик с демократическим стилем лидерства воспринимается как более эффективный, чем с авторитарным (Caillier, 2020; Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021). Это происходило, поскольку респонденты воспринимали демократического лидера как более теплого и компетентного, более фемининного и менее маскулинного, а также обладающего большим количеством специфически человеческих черт (отличающих человека от животных и технических устройств) (Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021).

Третий источник — это исследования, посвященные воспринимаемой процедурной справедливости — правилам и процедурам, в рамках которых люди, обладающие большей властью (например, политики), распределяют ресурсы между людьми, обладающими меньшей властью (например, гражданами) (Tyler, 2011; Tyler, van der Toorn, 2013). Они показали, что при оценке справедливости взаимодействия люди руководствуются определенными нормами (Colquitt et al., 2001; Tyler, 2011).

В частности, процедурная справедливость включает несколько норм, гарантирующих людям, обладающим меньшей властью, возможность участвовать в принятии решения, что

соответствует демократическому стилю лидерства. Метаанализы исследований, проведенных в разных странах мира (Gulevich, Borovikova, Rodionova, 2024), и недавнее российское исследование (Гулевич, 2023) показали, что соблюдение норм процедурной справедливости позитивно связано с отношением к политикам и политическим институтам.

Однако отношение к демократическому vs. авторитарному политическому лидеру зависит от характеристик последователей, других особенностей лидера и параметров ситуации. Например, некоторые исследования показали, что люди ожидают от женщин большей демократичности, чем от мужчин (в организациях: Williams, Tiedens, 2016). Кроме того, они чаще отдают предпочтение демократическим лидерам в кооперативных/мирных ситуациях, чем в конкурентных/военных (в политике: Hall et al., 2010; Laustsen, 2021; Petersen, Laustsen, 2020; Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021).

Национальная идентичность как фактор предпочтения стиля политического лидерства. Одна из психологических особенностей, которая влияет на отношение к лидерам, — это социальная идентичность, то есть восприятие человеком себя как члена определенной социальной группы (Ellemers, Haslam, 2012). В целом, чем сильнее люди идентифицируются с группой, тем больше они поддерживают ее нормы и ценности и тем больше они одобряют лидера, который воплощает групповые ценности и следует групповым нормам (Haslam, Reicher, Platow, 2015).

Люди могут идентифицироваться с разными группами. Национальная идентичность¹ — это восприятие человеком себя как гражданина (или жителя) страны. Эта идентичность может принимать конструктивные и неконструктивные формы. В основе конструктивных форм (например, привязанности к стране) лежит хорошее отношение к своей стране, а в основе неконструктивных форм (например, национализма, прославления страны) — вера в превосходство своей страны над другими государствами.

Некоторые исследователи проводят различие между надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом. Человек с сильной надежной национальной идентификацией испытывает удовольствие от того, что он гражданин (или житель) страны, и ощущает психологическую связь с согражданами. Человек с сильным национальным нарциссизмом хочет, чтобы другие государства признали величие его страны, и испытывает негативные эмоции от того, что не получает желаемого (Cichocka, 2016; Eker, Cichocka, Cislak, 2022; Golec de Zavala et al., 2009; Golec de Zavala, Lantos, 2020).

Исследования показали, что в целом национальная идентичность связана с позитивным отношением человека к политической и экономической системе своей страны (Luca, Kevin, Chiara, 2021; Vargas-Salfate et al., 2018), а также с готовностью к действиям, улучшающим положение сограждан (например, соблюдению определенных правил поведения при эпидемиях) (Van Bavel et al., 2022). Однако надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм могут вызывать разные последствия.

Например, надежная национальная идентификация не связана (Golec de Zavala et al., 2016) или негативно связана (Biddlestone et al., 2022) с одобрением действий против своих

¹ В статьях, опубликованных в международных психологических журналах, восприятие человеком себя как жителя или гражданина какой-либо страны обычно называется национальной идентичностью (national identity). Однако в русском языке слово «национальность» нередко используется как синоним «этничности, этнической принадлежности». Поэтому в русскоязычных работах может использоваться термин «гражданская идентичность».

сограждан, которые «угрожают» имиджу страны (например, критикуют ее). Национальный нарциссизм позитивно связан с одобрением таких действий (Biddlestone et al., 2022, Golec de Zavala et al., 2016), а также опасных для граждан государственных политик, направленных на сохранение имиджа страны (например, использования отечественных, но непроверенных вакцин, которые могут нанести вред здоровью) (Gronfeldt et al., 2022).

Кроме того, надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм по-разному связаны с поддержкой политиков и политических партий (Federico, Golec de Zavala, 2018; Marchlewska et al., 2018). Например, в США и некоторых европейских странах национальный нарциссизм (но не надежная национальная идентификация) позитивно связан с поддержкой политических акторов, которые одобряют «традиционные» практики, подразумевающие ограничение граждан в социальной жизни, и выступают за «возвращение величия страны».

Текущее исследование. Предыдущие исследования показали, что люди выражают разное отношение к лидерам с демократическим и авторитарным стилем поведения. Однако они имеют несколько ограничений. Во-первых, большинство этих исследований было проведено в организациях. Во-вторых, в работах, проведенных в политическом контексте, лидерство часто рассматривалось либо как психологическая особенность (а не паттерн поведения); либо как действия по отношению к коллегам, а не к гражданам в целом. В-третьих, большинство исследований, в том числе посвященных отношению к политическим лидерам, было проведено в устойчивых демократиях, где политические лидеры регулярно сменяются на выборах. Наконец, в-четвертых, некоторые работы показали, как национальная идентичность связана с отношением к политикам, поддерживающим определенные идеи. Однако мы не обнаружили исследований, показывающих, как национальная идентичность связана с отношением к политикам с разными стилями лидерства.

Эти ограничения были учтены в нашем исследовании. Во-первых, мы рассматривали отношение людей к политическому лидеру. Во-вторых, участники получали краткие описания того, как лидер взаимодействует с гражданами, и должны были оценить его эффективность в решении разных общественных проблем. В-третьих, в нашем исследовании участвовали российские респонденты. В-четвертых, мы проанализировали, как отношение к лидеру связано с разными формами национальной идентичности.

Мы сформулировали несколько гипотез. За основу были взяты результаты исследований, показавших, что граждане дают более высокую оценку демократическому политическому лидеру, чем авторитарному. Однако выраженность этой закономерности зависит от национальной идентичности. В частности, надежная национальная идентификация не связана, а национальный нарциссизм позитивно связан с отношением к политикам и политическим партиям, которые поддерживают ограничения в социальной сфере.

Мы предположили, что люди будут давать более высокую оценку демократическому лидеру, чем авторитарному (гипотеза 1). Однако связь между стилем поведения лидера и отношением к нему будет зависеть от национальной идентичности (гипотеза 2). В частности, надежная национальная идентификация не будет модерировать влияние стиля поведения на отношение к лидеру (гипотеза 2а), а национальный нарциссизм будет ослаблять это влияние (гипотеза 2б).

Материалы и методы

Выборка. Сбор данных проводился на сервисе YandexToloka в июле 2023 года. В исследовании приняло участие 2008 человек, указавших, что они являются гражданами

России. Выборка включала 1007 женщин и 1001 мужчину; возраст респондентов варьировался от 18 до 87 лет ($M = 41,2$; $SD = 12,6$). Все респонденты получали онлайн-ссылку на опросник, размещенный на словенском сервисе 1ka.si.

Сначала участники давали информированное согласие на участие в исследовании и читали мотивационную часть. После этого они заполняли опросник и указывали свои социально-демографические особенности. Однако мы не собирали личную информацию, позволяющую определить личность респондента. Респонденты, которые заполнили весь опросник, получали небольшое вознаграждение.

Экспериментальная процедура. Исследование носило экспериментальный характер. Каждый респондент читал описание гипотетического российского президента² и трех проблемных ситуаций, а затем оценивал эффективность президента при решении каждой проблемы. Сюжеты проблемных ситуаций были взяты из актуальных новостей: массовые пожары, которые мешают нормальной жизни и увеличивают количество смертей; эпидемия новой болезни, которая увеличивает смертность, особенно среди детей и пожилых людей; снижение рождаемости, уменьшающее численность населения.

Независимые переменные. Респонденты были случайным образом разделены на восемь экспериментальных групп. Члены разных групп читали разные варианты описаний. Эти варианты различались по трем параметрам: стилю лидерства президента (основная независимая переменная), полу президента (контрольная переменная) и типу ситуации (контрольная переменная). В качестве контрольных независимых переменных рассматривались факторы, которые, согласно описанным выше исследованиям, могли влиять на отношение к демократическому и авторитарному лидеру.

Пол президента мог быть мужским или женским. В первом случае в описании фигурировал президент Михаил Иванов, а во втором — Мария Иванова. Стиль лидерства президента мог быть демократическим или авторитарным³. Демократический лидер был описан как человек, который много общается с гражданами и учитывает их мнение при принятии решений; авторитарный лидер — как человек, который мало общается с гражданами и принимает решения на основе собственного мнения, не вовлекая граждан в процесс принятия решений. Слова «демократический» и «авторитарный» ни в описаниях, ни в вопросах не использовались.

Ситуация могла требовать «мягких» или «жестких» действий. В первом случае было указано, что, по мнению экспертов, для решения проблемы нужны «мягкие» действия:ощерение эффективных сотрудников МЧС и граждан, соблюдающих правила пожарной безопасности; оказание материальной поддержки и снабжение бесплатными лекарствами людей, затронутых эпидемией; материальная поддержка молодых семей и семей с маленькими детьми. Во втором случае говорилось о необходимости «жестких» действий: наказании неэф-

² Мы просили респондентов оценить гипотетического, а не реального политика по двум соображениям. С одной стороны, придуманный политик был незнаком респондентам и, как следствие, их оценки не зависели от его предыдущих действий. С другой стороны, мы стремились избежать искажения ответов из-за социальной желательности или страха перед негативными последствиями тех или иных ответов.

³ Выбор экспериментального плана с двумя условиями (авторитарный vs. демократический стили) без контрольной группы определялся двумя соображениями. Во-первых, гипотезы исследования подразумевали сравнение отношения к лидерам с разными стилями. Во-вторых, такие планы были использованы в предыдущих экспериментальных исследованиях, посвященных этой тематике (Sainz, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021).

фективных сотрудников МЧС и граждан, нарушающих требования пожарной безопасности; жестком карантине и больших штрафах для его нарушителей; ограничении аборт⁴.

Зависимая переменная. После каждого описания респонденты отвечали на вопрос: «Как вы считаете, насколько хорошо Михаил Иванов / Мария Иванова справится с данной задачей?». Респонденты давали ответ по шкале от 1 («очень плохо») до 7 («очень хорошо»). При обработке результатов вычислялось среднее арифметическое значение по трем описаниям ($\alpha = 0,80$).

Модераторы. Модераторами были надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм. Для измерения надежной национальной идентификации мы использовали субшкалу «удовлетворенность» из методики для измерения социальной идентичности (Leach et al., 2009; Lovakov, Agadullina, Osin, 2015). Эта субшкала включала четыре утверждения. Респонденты оценивали степень своего согласия или несогласия с этими утверждениями по 7-балльной шкале от 1 («совершенно не согласен(-а)») до 7 («совершенно согласен(-а)») ($\alpha_{\text{нии}} = 0,97$).

Для измерения национального нарциссизма мы использовали методику, которая включала восемь утверждений (без одного обратного пункта) (Golec de Zavala et al., 2009; Романова и др., 2022). Респонденты оценивали степень своего согласия или несогласия с утверждениями по 5-балльной шкале от 1 («совершенно не согласен(а)») до 5 «совершенно согласен(а)») ($\alpha_{\text{ни}} = 0,94$).

Социально-демографические особенности измерялись с помощью четырех вопросов. Мы просили респондентов указать свой пол (0 — мужчины, 1 — женщины); возраст (количество лет); образование от 1 (начальное) до 5 (высшее); доход от 1 («не хватает денег даже на еду») до 7 («можем позволить себе всё, в том числе покупку квартиры или дачи»).

Результаты

Первичные данные, описательные статистики для всех экспериментальных условий (см. табл. 1) и результаты регрессионного анализа представлены в приложении в репозитории (<https://doi.org/10.17605/OSF.IO/W8GH4>). Анализ показал, что респонденты, читавшие описания авторитарного и демократического президентов, не различались по уровню надежной национальной идентификации ($t_{\text{нии}} = 0,214$, $p = 0,830$) и национального нарциссизма ($t_{\text{ни}} = -1,344$, $p = 0,179$). То же самое можно сказать о респондентах, читавших описания президентов разного пола ($t_{\text{нии}} = 1,126$, $p = 0,260$; $t_{\text{ни}} = 1,607$, $p = 0,108$) и действующих в разных ситуациях ($t_{\text{нии}} = 1,352$, $p = 0,176$; $t_{\text{ни}} = 1,537$, $p = 0,124$).

Для проверки гипотез был использован линейный регрессионный анализ с модерацией (см. табл. 2 в приложении в репозитории), результаты которого представлены в репозитории. Он показал, что надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм были позитивно связаны с верой в то, что президент сможет решить проблемы ($\beta_{\text{нии}} = 0,115^{**}$, $\beta_{\text{ни}} = 0,226^{***}$). Кроме того, на оценку эффективности влиял стиль лидерства: люди считали демократического президента более эффективным, чем авторитарного

⁴ В предыдущих исследованиях ситуации варьировались по двум параметрам: мирная vs. военная и требующая кооперации vs. конкуренции. Однако в обоих случаях подразумевалось, что одна ситуация требует «мягких» действий по отношению к соратникам, а другая — «жестких» действий по отношению к конкурентам. Поэтому в нашем исследовании мы сформулировали ситуации, различающиеся по «мягкости-жесткости» действий.

($\beta = 0,371^{***}$). Данная закономерность сохранялась после контроля пола президента и типа ситуации. Этот результат полностью подтвердил гипотезу 1.

Однако связь между стилем лидерства и оценкой эффективности президента модерировалась национальным нарциссизмом, но не модерировалась надежной национальной идентификацией ($\beta_{\text{ни}} = 0,046$, $\beta_{\text{ни}} = -0,189^{**}$). Разница в оценке авторитарного и демократического лидеров была больше у респондентов с низким уровнем ($-1SD$) национального нарциссизма. Это происходило, поскольку люди с высоким уровнем ($+1SD$) национального нарциссизма давали более высокую оценку авторитарному политику ($M_{\text{авт}} = 4,495$), но такую же оценку демократическому ($M_{\text{дем}} = 4,618$), по сравнению с людьми, обладающими низким уровнем национального нарциссизма ($M_{\text{дем}} = 4,535$, $M_{\text{авт}} = 3,982$) (см. табл. 3 в приложении в репозитории). Эти результаты подтвердили гипотезы 2а и 2б.

Кроме того, связь между стилем поведения президента и оценкой его эффективности модерировалась типом ситуации. Разница в оценке эффективности авторитарного и демократического лидера была больше в ситуациях, требующих «мягких» (vs. жестких) действий. Это происходило, поскольку в «жестких ситуациях», люди ниже оценивали лидеров с обоими стилями поведения ($M_{\text{дем}} = 4,340$, $M_{\text{авт}} = 4,157$), чем в «мягких ситуациях» ($M_{\text{дем}} = 4,813$, $M_{\text{авт}} = 4,320$). Однако оценка демократического лидера «страдала» больше, чем оценка авторитарного (см. табл. 3 в приложении). В то же время, пол гипотетического президента не модерировал связь между стилем лидерства и оценкой эффективности.

Обсуждение результатов

В данном исследовании мы рассматривали, как индивидуальные характеристики граждан (надежная национальная идентификация и национальный нарциссизм) взаимодействуют со стилем лидерства (авторитарный vs. демократический) при формировании отношения к политическому лидеру. Результаты позволили нам сделать несколько выводов о факторах оценки политических лидеров у россиян.

Факторы отношения к политическим лидерам. Данное исследование показало, что воспринимаемая эффективность политика зависит от характеристик членов группы и поведения лидера. В частности, люди с сильной надежной национальной идентификацией и национальным нарциссизмом выше оценивали эффективность гипотетического президента, чем люди с меньшими показателями по этим параметрам. Эти результаты соответствуют подходу социальной идентичности, согласно которому чем сильнее люди идентифицируются с группой, тем более позитивно они относятся к ее лидеру (Ellemers, Haslam, 2012).

С другой стороны, российские респонденты считали демократического лидера более эффективным, чем авторитарного. Эта закономерность сохранялась после контроля социально-демографических особенностей респондентов, пола политика и типа ситуации. Она соответствует данным, полученным в США (Caillier, 2020; Hall et al., 2010), Дании (Laustsen, 2021; Petersen, Laustsen, 2020) и Испании (Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021). Кроме того, она согласуется с результатами недавнего российского исследования (Гулевич, 2023) и метаанализа, посвященного процедурной справедливости (Gulevich, Borovikova, Rodionova, 2024). Таким образом, предпочтения российских респондентов соответствуют предпочтениям жителей Европы и Северной Америки.

Однако эта закономерность противоречит достаточно распространенной идее о том, что россияне больше поддерживают авторитарных политических лидеров, чем демократических.

Можно предположить, что сторонники этой идеи смешивают два измерения так называемого патерналистского стиля лидерства — заботу о членах группы и контроль за ними, которые по-разному связаны с доверием лидерам и прогрупповым поведением (Chen et al., 2014). Например, российское исследование, проведенное около десяти лет назад, показало, что люди ожидают от политических лидеров заботы, но не ограничения прав (Gulevich, Sarieva, 2015).

Взаимодействие стиля лидерства и типа ситуации. Текущее исследование показало, что связь между стилем лидерства и отношением к лидеру зависит от характеристик ситуации. Предпочтение демократического политического лидера по сравнению с авторитарным ярче проявлялось в ситуациях, которые требовали «мягких», а не «жестких» действий. Это происходило, поскольку в ситуациях, требующих наказания, люди считали политика с демократическим стилем лидерства менее эффективным, чем в ситуациях, требующих вознаграждения.

Эти результаты соответствуют данным предыдущих исследований, показавших, что люди дают более позитивную оценку дружелюбным (Colquitt et al., 2001, Laustsen, 2021; Petersen, Laustsen, 2020) / демократическим (Caillier, 2020; Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021) политическим лидерам в нейтральных/амбивалентных и кооперативных/мирных ситуациях, которые требуют от лидера мягкости в отношениях с людьми. В конкурентных/военных ситуациях, которые требуют жесткости, повышается оценка доминирующих/авторитарных политических лидеров.

По-видимому, это происходит из-за тех качеств, которые люди приписывают политическим лидерам с демократическим и авторитарным стилем поведения. Например, испанское исследование показало, что более высокую оценку эффективности авторитарного лидера в конкурентной ситуации можно объяснить тем, что он воспринимается как более маскулинный — склонный к риску, доминированию и агрессии (Sainz Martinez, Moreno-Bella, Torres-Vega, 2021). Вероятно, от такого человека ожидают, что он/она больше готов(-а) к открытому противостоянию.

Взаимодействие стиля лидерства и особенностей членов группы. Данное исследование показало, что связь между стилем лидерства и отношением к политическому лидеру зависит от социальной идентичности членов группы. Люди с высоким уровнем национального нарциссизма проводили меньшее различие между демократическим и авторитарным лидером, чем люди с низким уровнем. Надежная национальная идентификация не сказывалась на предпочтении демократического лидера по сравнению с авторитарным.

Вероятно, это происходило, поскольку люди, которые сильно идентифицируются с группой, больше поддерживают прототипичного лидера, т. е. лидера, который, по их мнению, соответствует групповым нормам и ценностям (Haslam, Reicher, Platow, 2015). Однако в стране могут параллельно существовать несколько представлений о прототипичном лидере. По-видимому, в нашей выборке были распространены прототипы как демократического, так и авторитарного президента. Поэтому надежная национальная идентификация не усиливала и не ослабляла связь между стилем поведения лидера и отношением к нему.

В то же время люди с высоким уровнем национального нарциссизма приветствуют разные способы повышения статуса своей страны на мировой арене, в том числе поддерживают политических лидеров, которые обещают вернуть стране величие, и поддерживают наказание критиков. В нашем исследовании люди с высоким уровнем национального нарциссизма давали более позитивную оценку авторитарному лидеру, чем люди с низким.

Вероятно, авторитарный политический лидер казался человеком, который готов любыми средствами повышать статус страны.

Заключение

Наше исследование показало, что российские респонденты дают более высокую оценку демократическому президенту по сравнению с авторитарным. Эта закономерность видна у людей с разным уровнем национальной идентичности, в отношении к мужчинам и женщинам, а также в ситуациях, требующих «жестких» и «мягких» действий. Однако выраженность этой закономерности зависит от национального нарциссизма: люди с высоким уровнем нарциссизма выше, чем люди с низким, оценивают авторитарного лидера и, как следствие, проводят меньшее различие между демократическим и авторитарным президентом.

Однако это исследование имеет несколько ограничений.

Во-первых, мы давали людям краткие описания гипотетических президентов России. Однако можно предположить, что люди будут по-разному оценивать политиков, занимающих разные позиции в политической системе. Поэтому в будущих исследованиях можно сравнить отношение к авторитарным vs. демократическим политикам локального и федерального уровня, а также занимающих «индивидуальные» (например, мэр или президент) и «коллективные» (депутат федерального или муниципального парламента) должности.

Во-вторых, в предыдущих исследованиях рассматривалось поведение политика по отношению к коллегам, а мы моделировали стиль лидерства при взаимодействии с гражданами. Однако можно предположить, что люди будут по-разному реагировать на политиков, которые используют авторитарный vs. демократический стиль лидерства по отношению к членам своей «команды» и гражданам в целом. Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл сравнить отношение к политическим лидерам с разными стилями поведения при взаимодействии с подчиненными, другими политическими партиями и гражданами страны.

В-третьих, мы рассматривали одну индивидуальную характеристику, которая моделировала отношение к политическим лидерам с разными стилями поведения. Однако существуют другие характеристики последователей — например, моральные основания или вера в политические теории заговора, которые могут оказывать подобное воздействие. Поэтому в будущих исследованиях имеет смысл проанализировать, как эти переменные модулируют связь между стилем политического лидерства и отношением к лидеру.

В-четвертых, мы варьировали степень, в которой политический лидер прислушивается к мнению граждан и вовлекает их в процесс принятия решения. Однако некоторые исследователи рассматривают этот параметр как элемент патерналистского стиля лидерства, который включает контроль за принятием решений, заботу о подчиненных и моральность, и полагают, что эти параметры по-разному связаны с оценками и поведением сотрудников организации (Chen et al., 2014). Поэтому в будущих исследованиях можно сравнить роль этих параметров в политическом контексте.

В-пятых, организационные психологи выделили много критериев различия между стилями лидерства. Однако они редко используются в политическом контексте. Вероятно, это происходит, поскольку большинство этих критериев описывают поведение лидера, который взаимодействует с другими членами группы регулярно, «лицом-к-лицу» и выполняет общую с ними деятельность. Тем не менее, в будущих исследованиях можно использовать некоторые классификации применительно к политическим лидерам.

Список источников / References

1. Гулевич, О.А. (2023). Процедурная справедливость как фактор отношения к политической системе: роль экономического положения страны. *Социальная психология и общество*, 14(4), 105–119. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140407>
 Gulevich, O.A. (2023). Procedural Justice as a Factor of Attitudes Toward the Political System: The Role of the Country's Economic Situation. *Social Psychology and Society*, 14(4), 105–119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140407>
2. Романова, М.О., Иванов, А.А., Богатырева, Н.И., Терскова, М.А., Быков, А.О., Анкушев, В.В. (2022). Адаптация шкалы коллективного нарциссизма на российской выборке. *Социальная психология и общество*, 13(3), 201–220. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312>
 Romanova, M.O., Ivanov, A.A., Bogatyrieva, N.I., Terskova, M.A., Bykov, A.O., Ankushev, V.V. (2022). Collective Narcissism Scale Adaptation on a Russian Sample. *Social Psychology and Society*, 13(3), 201–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2022130312>
3. Biddlestone, M., Cichocka, A., Główczewski, M., Cislak, A. (2022). Their own worst enemy? Collective narcissists are willing to conspire against their in-group. *British Journal of Psychology*, 113(4), 894–916. <https://doi.org/10.1111/bjop.12569>
4. Caillier, J.G. (2020). Testing the influence of autocratic leadership, democratic leadership, and public service motivation on citizen ratings of an agency head's performance. *Public Performance & Management Review*, 43(4), 918–941.
5. Chermers, M.M. (2001). Leadership effectiveness: An integrative review. In: M.A. Hogg, R.S. Tindale (Ed.), *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes* (pp. 376–399). Blackwell Publishers Ltd. <https://doi.org/10.1002/9780470998458.ch16>
6. Chen, X.-P., Eberly, M.B., Chiang, T.-J., Farh, J.-L., Cheng, B.-S. (2014). Affective trust in Chinese leaders: Linking paternalistic leadership to employee performance. *Journal of Management*, 40(3), 796–819. <https://doi.org/10.1177/0149206311410604>
7. Cichocka, A. (2016). Understanding defensive and secure in-group positivity: The role of collective narcissism. *European Review of Social Psychology*, 27(1), 283–317. <https://doi.org/10.1080/10463283.2016.1252530>
8. Colquitt, J.A., Conlon, D.E., Wesson, M.J., Porter, C.O., Ng, K.Y. (2001). Justice at the Millennium: A meta-analytic review of 25 years of organizational justice research. *Journal of Applied Psychology*, 86(3), 425–445. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.86.3.425>
9. Eker, I., Cichocka, A., Cislak, A. (2022). Collective narcissism: How being narcissistic about your groups shapes politics, group processes, and intergroup relations. In: D. Osborne, C. Sibley (Ed.), *The Cambridge Handbook of Political Psychology* (pp. 214–227). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108779104.015>
10. Ellemers, N., Haslam, S.A. (2012). Social Identity Theory. In: P.A.M. van Lange, A.W. Kruglanski, E.T. Higgins (Ed.), *Handbook of theories of social psychology* (pp. 379–398). Sage Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446249222.n46>
11. Federico, C., Golec de Zavala, A. (2018). Collective narcissism and the 2016 US presidential vote. *Public Opinion Quarterly*, 82(1), 110–121. <https://doi.org/10.1093/poq/nfx048>
12. Golec de Zavala, A., Cichocka, A., Eidelson, R., Jayawickreme, N. (2009). Collective narcissism and its social consequences. *Journal of Personality and Social Psychology*, 97(6), 1074–1096. <https://doi.org/10.1037/a0016904>
13. Golec de Zavala, A., Lantos, D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29(3), 273–278. <https://doi.org/10.1177/0963721420917703>
14. Golec de Zavala, A., Peker, M., Guerra, R., Baran, T. (2016). Collective narcissism predicts hypersensitivity to in-group insult and direct and indirect retaliatory intergroup hostility. *European Journal of Personality*, 30(6), 532–551. <https://doi.org/10.1002/per.2067>
15. Gronfeldt, B., Cislak, A., Sternisko, A., Eker, I., Cichocka, A. (2023). A small price to pay: National narcissism predicts readiness to sacrifice in-group members to defend the in-group's image. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 49(4), 612–626. <https://doi.org/10.1177/01461672221074790>
16. Gulevich, O., Borovikova, J., Rodionova, M. (2024). The relationship between political procedural justice and attitudes toward the political system: A meta-analysis. *Political Psychology*, 45(3), 537–557. <https://doi.org/10.1111/pops.12936>

17. Gulevich, O., Gnezdilov, A. (2025). Russian identity and Attitudes toward Political Leaders. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/W8GH4>
18. Gulevich, O., Sarieva, I. (2015). Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 30–40.
19. Hall, C.C., Goren, A., Chaiken, S., Todorov, A. (2010). Shallow cues with deep effects: Trait judgments from faces and voting decisions. In: E. Borgida, C.M. Federico, J.L. Sullivan (Ed.), *The Political Psychology of Democratic Citizenship* (pp. 409–414). Oxford: Oxford University Press.
20. Haslam, S.A., Reicher, S.D., Platow, M.J. (2015). Leadership: Theory and Practice. In: M. Mikulincer, P.R. Shaver, J.F. Dovidio, J.A. Simpson (Ed.), *APA Handbook of Personality and Social Psychology: Group Processes* (pp. 67–94). American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14342-003>
21. Laustsen, L. (2021). Candidate evaluations through the lens of adaptive followership psychology: How and why voters prefer leaders based on character traits. *Advances in Political Psychology*, 42, 109–147. <https://doi.org/10.1111/pops.12738>
22. Leach, C.W., van Zomeren, M., Zebel, S., Vliek, M.L.W., Pennekamp, S.F., Doosje, B., Ouwerkerk, J.W., Spears, R. (2008). Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 95(1), 144–165. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.95.1.144>
23. Legood, A., van der Werff, L., Lee, A., Den Hartog, D. (2021). A meta-analysis of the role of trust in the leadership-performance relationship. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 30(1), 1–22.
24. Lewin, K., Lippitt, R., White, R.K. (1939). Patterns of aggressive behavior in experimentally created “social climates”. *The Journal of Social Psychology*, 10(2), 269–299.
25. Lovakov, A.V., Agadullina, E.R., Osin, E.N. (2015). A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification: Examining in Russian samples. *The Spanish Journal of Psychology*, 18, Article E32. <https://doi.org/10.1017/sjp.2015.37>
26. Luca, C., Kevin, O.C., Chiara, B. (2021). Do superordinate identification and temporal/social comparisons independently predict citizens’ system trust? Evidence From a 40-Nation Survey. *Frontiers in Psychology*, 12.
27. Marchlewska, M., Cichocka, A., Panayiotou, O., Cattellanos, K., Batayneh, J. (2017). Populism as identity politics: Perceived in-group disadvantage, collective narcissism, and support for populism. *Social Psychological and Personality Science*, 9(2), 151–162. <https://doi.org/10.1177/1948550617732393>
28. Petersen, M.B., Laustsen, L. (2020). Dominant leaders and the political psychology of followership. *Current Opinion in Psychology*, 33, 136–141. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2019.07.005>
29. Pizzolitto, E., Verna, I., Venditti, M. (2023). Authoritarian leadership styles and performance: a systematic literature review and research agenda. *Management Review Quarterly*, 73(2), 841–871. <https://doi.org/10.1007/s11301-022-00263-y>
30. Sainz Martinez, M., Moreno-Bella, E., Torres-Vega, L.C. (2021). A more competent, warm, feminine, and human leader: perceptions and effectiveness of democratic versus authoritarian political leaders. *International Review of Social Psychology*, 34(1), 1–16. <https://doi.org/10.5334/irsp.452>
31. Tyler, T.R. (2011). Justice theory. In: P.V.A.M. Lange, A.W. Kruglanski, T.E. Higgins (Ed.), *Handbook of Theories of Social Psychology: Volume 2* (pp. 344–361). SAGE Publications Ltd.
32. Tyler, T.R., van der Toorn, J. (2013). Social justice. In: L. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy (Ed.), *The Oxford Handbook of Political Psychology* (pp. 627–661). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199760107.001.0001>
33. Vargas-Salfate, S., Paez, D., Liu, J.H., Pratto, F., Gil de Zúñiga, H. (2018). A comparison of social dominance theory and system justification: The role of social status in 19 nations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 44(7), 1060–1076. <https://doi.org/10.1177/0146167218757455>
34. Van Bavel, J.J., Cichocka, A., Capraro, V., et al. (2022). National identity predicts public health support during a global pandemic. *Nature Communication*, 13(1), Article 517. <https://doi.org/10.1038/s41467-021-27668-9>
35. Williams, M.J., Tiedens, L.Z. (2016). The subtle suspension of backlash: A meta-analysis of penalties for women’s implicit and explicit dominance behavior. *Psychological Bulletin*, 142(2), 165–197. <https://doi.org/10.1037/bul0000039>

Информация об авторах

Ольга Александровна Гулевич, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Александр Николаевич Гнездилов, студент, стажер-исследователь лаборатории политико-психологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5396-9177>, e-mail: agnezdilov@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Sciences in Social Psychology, Professor, the Head of Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Alexander N. Gnezdilov, Student, Research Assistant, Politics & Psychology Research Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5396-9177>, e-mail: agnezdilov@hse.ru

Вклад авторов

Гулевич О.А. — идеи исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Гнездилов А.Н. — применение статистических методов для анализа данных, написание и оформление рукописи.

Оба автора приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Olga A. Gulevich — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Alexander N. Gnezdilov — application of statistical methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

Both authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 04.09.2024

Поступила после рецензирования 07.02.2025

Принята к публикации 03.03.2025

Опубликована 30.09.2025

Received 2024.09.04

Revised 2025.02.07

Accepted 2025.03.03

Published 2025.09.30